

Франсуаза Дольто
**НА СТОРОНЕ
ПОДРОСТКА**

рама
РАСКРЫТИЕ

Франсуаза Дольто
На стороне подростка
Серия «Авторитетные
детские психологи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22691595

На стороне подростка: Рама Паблишинг; Екатеринбург; 2016

ISBN 978-5-91743-062-1

Аннотация

Книга «На стороне подростка» была создана французским психологом Франсуазой Дольто по многочисленным просьбам читателей. В этом издании, как и в своей книге «На стороне ребенка», Ф. Дольто сохраняет подход к освещению темы детства и отрочества – глубокий, деликатный и вдумчивый. Она поднимает такие «неудобные» темы, как сексуальность и гомосексуальность, одиночество и школьные трудности, употребление наркотиков, самоубийства, взаимоотношения родителей и подростков, побеги и др. Автор размышляет о том, каковы социальные предпосылки подростковых проблем, предоставляя читателю возможность подумать, как встать на сторону подростка. Издание адресовано родителям, педагогам, психологам, семейным психотерапевтам, социальным работникам и др.

Содержание

Движение к зоне перемен	5
Предисловие	12
От детей к подросткам	15
I часть	17
1 глава	18
2 глава	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Франсуаза Дольто

На стороне подростка

© Éditions Robert Laffont, Paris, 1988,

© А. К. Борисова, перевод на русский язык, 1997,

© ООО «Рама Паблишинг», 2013,

© Cheryl Casy // Shutterstock.com, 2012, фото на обложке

* * *

Движение к зоне перемен

«Движение к зоне перемен» – именно так называет Франсуаза Дольто период отрочества и взросления. Она пытается охватить все стороны жизни подростка, рассказать о наиболее значимых проблемах этого возраста, выделяя то, что особенно важно для взрослых – родителей, педагогов, воспитателей.

Следует заметить, что книга эта, написанная более двадцати лет назад, и сегодня остается актуальной, несмотря на то что сейчас много говорят об отличии современных подростков от их сверстников 20, 30 и 50 лет назад. С чем это связано? И так ли это?

Сегодня возникают новые требования к растущему человеку, которые предъявляются ему «новой экономической и социальной обстановкой, сформировались новые экономические и социокультурные условия его функционирования и технико-технологические возможности освоения пространства жизнедеятельности, обостряющие проблему выбора себя в своем поведении и в своих отношениях»¹. Кроме того, именно в период отрочества «формируется... многозначная зависимость от огромного объема информации... актив-

¹ *Фельдштейн Д. И.* Трудный подросток. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2008. 208 с. (Серия «Библиотека психолога»). С. 3.

но действующей на подростка, оказывающей влияние на его эмоциональную и интеллектуальную сферы, на восприятие им действительности»².

При всей значимости особенностей психологического развития подростка в современном мире особую остроту, как и двадцать лет назад, имеют те же проблемы социализации молодого человека, о которых подробно говорит Франсуаза Дольто.

Ф. Дольто находит те слова, которые понятны и неспециалисту, приводит примеры, прогнозирует возможные реакции взрослых, заставляя их погрузиться в ситуацию, осознать и «проиграть» ее. Исследователь подчеркивает, что подростковый возраст – это период «„крайней ранимости“, от которой подростки *защищаются* (выделено нами. – М. Б.) либо депрессией, либо негативом, который еще больше усиливает их слабость». Мы не случайно выделили слово «*защищаются*» – подростки нередко вынуждены действительно защищаться от бесконечной и неконтролируемой агрессии старших, не готовых слушать и слышать ребенка, нетерпимых к другому, отличному от их – взрослых – мнению. И совсем не обязательно эта агрессия должна проявляться в жестком или жестоком отношении, достаточно презрительной снисходительности к подростку, «обесценивания» его

² Фельдштейн Д. И. Трудный подросток. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2008. 208 с. (Серия «Библиотека психолога»). С. 3.

личности.

Франсуаза Дольто пишет: «Это хрупкий возраст и в то же время замечательный, поскольку подросток реагирует на все хорошее, что для него делается...» – и дает очень полезный совет: «Старайтесь поднять их в собственных глазах, продолжайте делать это, даже если кажется, что вы, как говорится, ломитесь в закрытую дверь».

Ф. Дольто подробно описывает те физиологические и психологические изменения, которые происходят с мальчиками и девочками в период полового созревания (с 10 до 16 лет), выделяя особенности их поведения. Безусловно, эти достаточно полные и подробные характеристики возраста, рассматриваемые в книге, нельзя понимать буквально, так как существуют индивидуальные варианты развития, разный темп возрастных преобразований. Но все это – своеобразный «ключик», который поможет родителям и педагогам «раскрыть» причины изменений в физическом развитии, поведении подростков, проявлении сексуальности.

Думаю, что эта информация будет полезна еще и потому, что разговоры о физиологических изменениях, происходящих в период полового созревания, все еще воспринимаются родителями и педагогами как табу и не обсуждаются с детьми. Продолжавшаяся почти десять лет в нашем обществе дискуссия о том, нужно ли половое воспитание в школе, закончилась полной победой сторонников запрета этой информации, хотя понятно, что «закрывать» данную тему

невозможно и вредно, ведь неуклонно растет число подростковых беременностей, количество молодых людей, болеющих СПИДом.

Будучи психоаналитиком, Ф. Дольто не могла обойти проблемы, с которыми к ней шли родители французских подростков. В нашей стране и сегодня обращение к подобным специалистам – редкий случай (да и специалистов таких можно пересчитать по пальцам). Тем ценнее ответы на вопросы о подростковых страхах, бессоннице, анорексии, агрессивности и пр.

Отдельная глава с красноречивым названием «Самоубийства подростков: скрытая эпидемия» посвящена проблеме подростковых самоубийств. Отмечая, что число детей в состоянии депрессии значительно больше, чем кажется взрослым, и выделяя причины подростковых самоубийств, Франсуаза Дольто рассказывает взрослым о необходимости *всегда* говорить с ребенком о том, что он «держит в себе», не оставлять его жить с «невывказанными страданиями». Это важно в любой сложной ситуации, так как порог чувствительности у разных подростков различен: один посмеется, другой разозлится, а третий может воспринять ту же ситуацию как трагическую и безвыходную.

Еще одну проблему выделяет Франсуаза Дольто – подросток и наркотики. Тема чрезвычайно актуальная для нашей страны. Мы не знаем точных цифр, характеризующих ситуацию, так как в официальной статистике подростки и моло-

дые люди до 21 года представлены в одной группе. Общество не пришло к единому мнению о формах и методах профилактики: есть сторонники «страшилок», а есть специалисты, которые считают необходимым проведение систематической педагогической профилактики еще до того, как возникает потребность или возможность первой пробы. Ф. Дольто совершенно справедливо замечает: «Отрочество является для этого особенно благоприятным периодом: душевное беспокойство и физический дискомфорт, характерные для этого возраста, налет ритуальности и магии, который сопутствует потреблению наркотиков, социальное давление разных подростковых групп, поиски самоидентификации – таковы факторы, способствующие тому, что подросток начинает пробовать действие наркотиков». Психоаналитик вместе с читателем ищет ответ на самый волнующий вопрос – почему подростки тянутся к этой заразе.

Есть еще одна очень важная тема, которую обсуждает Франсуаза Дольто, но о которой в нашей стране говорят лишь от случая к случаю, – это проблема школьных трудностей. По данным Ф. Дольто, около 10 % подростков испытывают дискомфорт в школе; в нашей стране этот показатель гораздо выше – 30–40 %. Конечно, большая часть этих подростков заканчивают школу, однако школьные трудности не проходят бесследно. В книге дан короткий анализ социальных, психологических и педагогических причин возникновения проблем у французских школьников. Все они суще-

ствуют и у нас, однако школа и родители не склонны учитывать свои ошибки, поэтому основная вина за неудачи ложится на плечи подростков. Франсуаза Дольто рассматривает возможные варианты снижения риска школьных проблем и подчеркивает важность их решения на самых ранних этапах развития ребенка.

Не ограничиваясь анализом причин возникновения школьных трудностей, Франсуаза Дольто предлагает свою философию и стратегию общего образования: «Умение читать, писать и считать – это общая основа. На школьном уровне дети сами впишутся в ту дисциплину, которая их заинтересует. Очевидно, что с восьми, девяти или одиннадцати лет необходимо ориентировать детей на то, что им интересно, и касаться в преподавании можно всего понемногу, и так до тринадцати-четырнадцати лет, до момента окончательного пубертата. До этого времени у ребенка есть право быть творцом во многих областях одновременно».

Фактически это книга вопросов и ответов, но о чем бы ни писала Ф. Дольто: о взаимоотношениях подростков со взрослыми, о проблемах развития и поведения, о правах и обязанностях подростка и общества, она всегда остается «на стороне подростка».

Для кого эта книга? Думаю, прежде всего для педагогов и родителей, для психологов и детских психиатров – для тех, кто ежедневно сталкивается с самыми разными подростковыми проблемами, ищет их причины, формы взаимодей-

ствия с детьми, способы профилактики этих проблем. Эта книга будет не менее полезна и тем, кто считает, что знает о подростке все, понимает причины его поступков, уверен в правильности своих действий, своих реакций и требований. Не сомневаюсь, что каждый читатель не один раз мысленно скажет себе «надо же, а я этого не знал(а)» или «а я думал(а) совсем иначе».

Наверное, эту книгу сложно прочитывать сразу от корки до корки, но ее можно читать начиная с любой главы, как если бы вы открывали энциклопедию в поисках ответа на волнующий вопрос.

Те, кто сегодня воспитывают подростков, выросли во времена, когда развенчивались идеи, ценности, уходило доверие к учителям и кумирам. То был не стихийный протест отдельных групп, а системный и массовый кризис, при котором подростку было трудно вдвойне. Не случайно сегодня в обществе постоянно обсуждается проблема отсутствия национальной идеи, которая могла бы стать стержнем в воспитании подрастающего поколения. Ф. Дольто четко формулирует эту идею – *быть «на стороне подростка» во всем: в отношениях, требованиях, правах и обязанностях.*

М. М. Безруких,

д-р биол. наук, профессор, академик РАО,

директор Института возрастной физиологии РАО

Предисловие

Три года назад³, после активных откликов, последовавших за выходом книги Франсуазы Дольто «На стороне ребенка», она смогла ощутить всю необходимость выдвигаемых ею идей: «На стороне ребенка» вызвала целый шквал дебатов, поток размышлений и инициатив. Книга способствовала более эффективному внедрению во французское и европейское общество главных направлений поисков и социальных инициатив, выдвинутых Франсуазой Дольто в ее произведении. Труд ее был обращен ко всем родителям, воспитателям, руководителям детских учреждений и социальных программ.

Дольто, не откладывая, принялась за продолжение своей педагогической и социально значимой работы. Но теперь она уже обращалась к подростковому периоду жизни человека.

За несколько дней до того, как Франсуаза Дольто последовала в мир иной за своим мужем Борисом, она закончила правку этой, второй, рукописи, и мысль, что читать ее будут не только взрослые, но и молодежь, приносила ей радость. «Это то же самое, что о детях, – говорила она, – только теперь речь идет о подростках».

³ Имеется в виду год парижского издания книги – 1985 г.

«Рождение есть смерть, смерть есть рождение», – на протяжении всего повествования, обращаясь к подросткам от десяти до шестнадцати лет, повторяет Дольто эту фразу. В ней фокусируется ответ на вопрос о том, как обращаться с подростком, когда «умирает его детство», как найти слова, чтобы описать опыт, давший возможность рассказать об этом процессе уже из жизни взрослой. Сердце Дольто отказывалось работать, все считали, что она – на пороге смерти, но она смогла вернуться с этого порога, за которым ее уже ждала собственная смерть, чтобы рассказать друзьям и близким о смерти чужой. Мне она говорила о своей кончине как о путешествии к тихому острову среди бурь. А через несколько дней, преодолев окончательно страх перед неизвестным, Дольто навсегда простилась с этим миром.

Каким мужеством и требовательностью к себе, какой незатухающей силой духа нужно было обладать, чтобы завершить эту «срочную, необходимую для общества работу» – книгу о понимании подростков. Дольто распределяла уходящие силы таким образом, чтобы их хватило на ежедневный труд. Кислород, на котором она держалась в последний период жизни, вдыхая его днем и ночью, пропитал и эти страницы, – Дольто передала им свой ум, донесла до ближнего своего жажду жизни и стремление быть среди людей.

Книга эта тем более исполнена благородства, поскольку за-
вещана она всем юным.

Андре КУТЕН

От детей к подросткам

Это исследование посвящено критическому периоду в жизни человека, подростковому, и оно является следствием и естественным продолжением книги «На стороне ребенка». В первой книге мы расстались с ее героями на пороге этого «перехода», установив, что он ведет их к обретению самостоятельности в возрасте десяти-одиннадцати лет. Не обязательно, что именно этим возрастом определяется начало упомянутой стадии в развитии индивидуума, но отсюда начинается движение к зоне перемен, потому что каждый проживает эту стадию в соответствии с собственным ускорением или, наоборот, замедлением процесса, в соответствии с собственным ритмом. Но как бы то ни было, рано или поздно в этой фазе возмужания, в предпубертатный период, нужно пройти через многое, прежде чем войдешь в жизнь взрослых и будешь в силах нести всю полноту гражданской ответственности и участвовать в строительстве нашего будущего общества. Чтобы «перебраться на другой берег», юным придется пройти через ряд испытаний, преодолеть множество препятствий, справиться со своими внутренними противоречиями и с теми, что создаются окружающими людьми. Чувствительность подростков, их ранимость, их неокрепшие силы столкнутся с большими или меньшими трудностями, которые придется преодолеть на этом пути. Те,

кто изначально не будет готов к перелому, который несет с собой обретение самостоятельности, кто приблизится к этой зыбкой и ускользающей почве, будучи внутренне несостоятельным, чтобы принять его, тем придется труднее, чем другим, но всем понадобится большая воля к жизни, огромная энергия, заключенная в стремлении к будущему, чтобы найти в себе силы и выдержать период умирания собственного детства. Цель этой книги – поставить жизненно важные вопросы и попытаться задать направление, в каком следует искать ответы на них. Чтобы этапы возмужания и происхождения конфликтов предстали перед нами в верной перспективе, стоит обратиться к анализу первого тома: к книге «На стороне ребенка».

I часть

Чистилище юности

и второе рождение

Система национального образования не дает образования ни в любви, ни в уважении к другому, ни в уважении к себе самому.

Франсуаза Дольто

1 глава

Концепция отрочества.

Переломные моменты и вехи

Об отрочестве известно гораздо меньше, чем о детстве. Сегодня достаточно часто подростков называют «стоящими на переломе» – переносное значение выражения ставит юное существо в позицию «перехода», в «транзитную» позицию и заключает его в рамки некоей возрастной категории. Однако, чем заниматься строительством возрастной пирамиды, не лучше ли, преодолев противоречия и разногласия между психологами, социологами и эндокринологами-невропатологами, прийти к взаимопониманию и открыто установить причинно-следственную зависимость.

Иные продлевают детство до четырнадцати лет и воспринимают подростковый период – от четырнадцати до восемнадцати – просто как «переход» к взрослой жизни. Те же, кто считает этот период временем «возмужания», периодом развития мускульной и нервной системы, склонны продлевать его до двадцати лет.

Социологи отмечают при этом явление, характерное для современности, называемое «запоздалым отрочеством», – вечные студенты, которые живут вместе с родителями много дольше своего совершеннолетия. Есть отдельные психо-

логи, которые рассматривают отрочество как всего-навсего «последнюю главу детства».

*Так что же это? Отдельный, обособленный возрастной период или пусть самостоятельный и определяющий, но этап на пути превращения ребенка во взрослого?*⁴

Мне кажется, это мутационная фаза. Для подростка в возрасте конфирмации⁵ она так же важна, как рождение и первые две недели жизни для маленького ребенка. Рождение на свет – это мутация зародыша в грудного ребенка и его адаптация к дыханию и пищеварению. Подросток же идет по пути преобразования, неведомого ему самому, что же касается взрослых, он для них – сплошные проблемы: он то объят тоской и тревогой, то полон снисходительности. Мой учитель философии, говоря об одной из моих подруг, которая, как ему казалось, так и не вышла из подросткового возраста, заявлял, перефразируя известную пословицу: «Бог, свечка, ко-

⁴ Абзацы, набранные курсивом, предлагались д-ру Дольто для рассмотрения выявляющихся в процессе исследования тенденций, течений, методов и постоянно действующих факторов, спорных проблем и нерешенных вопросов. Франсуаза Дольто реагирует на них, сопровождая эти данные своими замечаниями, высказывая по их поводу свои личные соображения и развивая при этом собственную точку зрения. См.: *Дольто Ф.* На стороне ребенка. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2009. С. 12. – *Примеч. ред*

⁵ Конфирмация (*лат.* confirmatio – утверждение) – таинство миропомазания у католиков, совершаемое обязательно епископом и не одновременно с крещением, как у православных, а в более поздние годы детства и отрочества.

черга... Что из нее выйдет?» С его точки зрения, нам давно уже пора было повзрослеть. Вот один из возможных способов определять отрочество: это возраст, когда человек — «ни Богу свечка, ни черту кочерга». Подростковый период длится в соответствии с теми представлениями, которые юноши и девушки получают от взрослых, и в тех пределах познания, которые ставит перед ними общество. Взрослые должны помочь молодому человеку стать ответственным за себя и не превратиться в запоздалого подростка.

Общество заинтересовано в том, чтобы подросток не слишком долго вел жизнь воспитанника. Однако эта справедливая предпосылка приводит иногда к излишнему усердию, и одиннадцатилетнего ребенка начинают изо всех сил тормозить, чтобы он не остался ребенком на долгие годы. Но если он не хочет просыпаться, не надо его торопить... В обиходе часто говорят: «Ты ведешь себя как ребенок, но ты уже не дитя». Но скажи так отец или мать ребенку, стоящему на пороге отрочества, — не будет ли в том вреда и вины?

Думаю, он не придаст этому значения. Другое дело, если это скажет кто-нибудь из его приятелей. Но не родители. Родители в глазах подростков к этому времени уже утратили авторитет. Во все времена, в каждой школе были свои «авторитеты». Лидеры небольших групп. И всегда — был рядом

мальчик, менее уверенный в себе, менее раскованный, которому трудно справиться с ролью вожака или атамана. Ему пеняют: «Ты еще маленький, ты ничтожество, ты ничего не понимаешь... уходи отсюда». Такое обвинение в инфантилизме и пренебрежение, прозвучавшее из уст сверстников, куда больше задевает подростков, чем материнское «не будь ребенком».

Подросток также очень болезненно воспринимает критические замечания взрослых, которые играют при детях ту или иную роль. Во время мутации к подростку возвращается хрупкость новорожденного, крайне чувствительного к тому, как на него смотрят и что о нем говорят. Новорожденный, семья которого сожалеет, что он именно такой, какой есть, что он похож на этого, а не на того, что у него такой нос, а не другой, а потом начинает оплакивать его пол или цвет волос, рискует долго помнить эти слова. Такой новорожденный понял, что он почему-то не подходит для того общества, в котором родился. В этом возрасте любое мнение значимо, включая мнения людей, на которых не надо обращать внимания, так как говорят они эти вещи из ревности или потому, что из-за чего-то злятся на родителей. Ребенок этого еще не понимает, он слышит, что о нем говорят плохо, и принимает это за истину, и в дальнейшей жизни это может сказаться на его отношениях с обществом. Роль взрослых, не входящих в семью, и просто знакомых подростку людей, с которыми он общается в школе и в других местах, чрезвычайно важна

на протяжении этих нескольких месяцев. К несчастью, неизвестно, когда наступает и сколько длится этот период наибольшей чувствительности у каждого индивида. Так же как у грудных детей. Неизвестно, как грудной ребенок понимает, что говорят о нем. «Ах, как жаль, что она похожа на тетю Лили́... Вот несчастье-то!» Сказали – и начали говорить о тете Лили́, а ребенок получает при этом некую отрицательную нагрузку, и это глубоко западает ему в душу. Теперь мы знаем, что это так. И то же самое происходит с юношей или девушкой на этапе быстрого развития.

Для того чтобы понять, что же такое незащищенность, ранимость подростка, представим себе раков и лангустов, меняющих панцирь: они прячутся в расщелины скал на время, нужное для образования нового панциря, который сможет их защитить. Но если в этот момент, когда они так уязвимы, на них кто-то нападает и ранит их, рана эта сохранится навсегда, и панцирь лишь скроет шрамы, но не залечит раны. Знакомые люди не самого близкого круга играют очень важную роль в воспитании молодого человека, поскольку, с одной стороны, они не обязаны его воспитывать, а с другой – могут оказать благоприятное воздействие в период ускоренного развития, укрепить веру в себя, помочь обрести мужество в преодолении своих слабостей или, наоборот, могут лишить мужества и вогнать в депрессию. Сегодня молодые люди уже после одиннадцати лет хорошо знают, что такое состояние депрессии или паранойи. Они преодолевают их с

помощью приступов беспричинной агрессии. В моменты таких «кризисов» подросток отрицает все законы, потому что каждый, кто, по его мнению, представляет закон, мешает его существованию, его жизни.

Не делает ли подростка эта защитная реакция еще более незащищенным?

В этот период крайней ранимости они защищаются от всего мира либо депрессией, либо негативизмом, который еще более усиливает их слабость.

Сексуальность тоже может стать для них прибежищем...

В трудные периоды, когда подростку не по себе в мире взрослых, когда ему не хватает веры в себя, он находит поддержку в воображаемой жизни.

У них еще нет сексуальной жизни, они только воображают ее. Очень часто они переживают ложный взлет сексуальности, который идет от работы воображения и приводит к мастурбации. В трудные периоды, когда подростку не по себе в мире взрослых, когда ему не хватает веры в себя, он находит поддержку в воображаемой жизни. Юноша или девушка вынуждены активизировать в себе некую зону, которая при-

дает им силу и смелость, это пробуждающаяся генитальная зона. Тут-то как раз мастурбация из средства излечения от депрессии становится западней. Западней, потому что, мастурбируя, подросток сбрасывает нагрузку, и у него не хватает сил противостоять трудностям реальной жизни, победив свои недостатки, в значительной мере более вымышленные, чем реальные, которые, однако, поддерживаются некоторыми замечаниями, некстати высказанными, допустим, матерью: «Ничего из тебя не выйдет, как ты можешь понравиться какой-нибудь девочке, если ты такой неряха?» – или кем-то из окружающих, кто выразит удивление и заставит юношу покраснеть: «Смотрите-ка, а ты, оказывается, равнодушен к девочкам, так это и есть твой „роман“?» Это ужасно для молодого человека – он разоблачен, на свет извлечено чувство, которое он испытывал; это действительно может толкнуть подростка к мастурбации, потому что она будет единственной поддержкой в мучительном состоянии возбуждения и поможет ему преодолеть его угнетенное настроение. К несчастью, поскольку он получает удовлетворение лишь воображаемое, у него не остается сил на поиски опоры в реальной жизни, в другом человеке, юноше или девушке, на поиски понимания, дружбы или любви, которые поддержали бы его и помогли выбраться из ловушки, куда он угодил из-за равнодушия или агрессивности некоторых взрослых. Да и из-за их ревности, потому что есть взрослые, которые ревнуют к этому «неблагодарному возрасту». Они помнят, как

взрослые поносили их самих, и в свою очередь, вместо того чтобы не причинять тех же страданий другим, они даже усиливают их, говоря что-нибудь вроде: «Что ты о себе воображаешь, в твоём возрасте рано ещё что-то думать о себе, у тебя молоко на губах не обсохло» и т. д. Когда у подростка появляются собственные мысли и он вмешивается в разговор взрослых, они тут же готовы поставить его на место, тогда как им следовало бы дать ему возможность высказаться: «Так тебе это интересно, ну что ж, давай послушаем, что ты думаешь, пожалуй, это любопытно...» Отцу неприятно слышать, что к мнению его сына прислушиваются окружающие его сверстники. Главным должен быть только он. Есть множество отцов, которые не умеют быть отцами своих сыновей. И что интересно, они не умеют быть отцами с женами своих сыновей и с их девушками, но, когда такой отец остаётся с сыном один на один, он чувствует ребенка лучше. Происходит это от нежелания принять, что мальчика, когда начинается общий разговор за столом, слушают так же, как его самого, причем мнение сына не совпадает с мнением отца. Отец не желает мириться с тем, что его мнение не прева-лирует над мнением сына. Справедливо было бы сказать, например: «Знаешь, в разном возрасте мы думаем по-разному, это естественно». Если молодой человек вдруг умолкает или сносит замечание со снисходительной улыбкой – папа не хочет признать свою ошибку, что ж, тем хуже! – либо не осмеливается настаивать на своем, ему приходится искать другое

место, где можно высказать свое мнение. Такое, где оно будет чего-то стоить. А так как в семье его мнение «обесценили», он чувствует себя угнетенным и считает себя не вправе размышлять о чем-либо.

Когда у подростка появляются собственные мысли и он вмешивается в разговор взрослых, они тут же готовы поставить его на место, тогда как им следовало бы дать ему возможность высказаться.

Именно в этот момент ему необходимо укрепить веру в себя. Преподаватели представляются наиболее подходящими людьми, чтобы принять эстафету.

Это касается не только школьных учителей, но и спортивных тренеров, преподавателей в школах искусств. Они-то уж должны выслушивать ребенка, интересоваться его мнением о каком-нибудь поединке, о спортивном матче или о выставке. Причем право высказываться должны иметь не только те, кто уже завоевал прочный авторитет, но и те, у кого есть свое мнение, но они держат его при себе. Стоит подбодрить таких подростков: «Ты ничего не говоришь, но ведь у тебя есть собственное мнение, я видел, как внимательно ты смотрел этот матч, у тебя сложилось мнение о каждом из игроков». Подросток, к которому обращаются таким образом, убеждается в том, что не обязательно быть самым активным, его

мнение тоже что-то значит для учителя, и это может спасти мальчика, который у себя в семье подавляем родительской волей.

Это хрупкий возраст, но в то же время замечательный, поскольку подросток реагирует на все хорошее, что для него делается. Правда, подростки не демонстрируют эту реакцию сразу. Воспитателю бывает немного обидно, если он не видит никакого эффекта тут же, непосредственно. Я не рекомендую взрослым излишне настаивать. Я только говорю, и неоднократно, всем тем, кто учит детей и порой чувствует себя бессильным: старайтесь поднять их в собственных глазах, продолжайте делать это, даже если кажется, что вы, как говорится, «ломитесь в закрытую дверь». Когда их несколько человек, они старшего ни в грош не ставят, но, когда они оказываются с учителем один на один, мнение того становится для них чрезвычайно важным. Надо уметь «держать удар», имея в виду следующее соображение: как взрослый человек я потерпел поражение, но то, что я сказал, поможет им и поддержит их.

Значит, одиннадцать лет – это действительно возраст максимальной ранимости?

Да, от одиннадцати до тринадцати лет: они легко краснеют, закрывают лицо волосами, делают нелепые движения, пытаются скрыть свою застенчивость, свой стыд, а может

статься, пытаются скрыть тяжелую душевную рану, которая грозит остаться неизлечимой.

Пубертатный период является наивысшей точкой этого критического состояния?

Это трудное время, момент подготовки к первому любовному опыту. Подросток чувствует, что есть риск, он желает любви и одновременно боится ее. На сегодняшний день весьма велика необходимость проведения широких дебатов по этому вопросу, нечего составлять пухлые досье о количестве самоубийств или поведении самоубийц... В конце концов встает главная проблема: «Что является кульминационным моментом в жизни подростка – первый сексуальный опыт или опыт смерти?» Я имею в виду столкновение с риском, опасностью или нежелание жить...

Думаю, эти два момента неразделимы. Потому что именно риск первого любовного опыта расценивается как умирание детства. Смерть одного из периодов жизни. И уход его, который влечет вас за собой и подавляет вас так же, как это бывает в любви, и составляет главную опасность этого кульминационного момента, перехода, необходимого для осознания себя гражданином, несущим ответственность, причем перехода неизбежного.

В нашем обществе юные существа лишены какой бы то ни было поддержки при этом переходе, потому что не существу-

ет никаких ритуалов, означающих вступление в период перелома. Коллективные инициации предлагались детям приблизительно одного и того же возраста, далеко не каждый из которых был зрелым настолько, чтобы инициация произвела в нем качественное изменение, но это было важное событие, и общество воспринимало этих подростков как инициированных, как преодолевших, что позволяло считать их с этого момента юношами. Готовы ли они к этому внутренне или не готовы, взрослые воспринимают их как имеющих право быть таковыми. Предоставленные же самим себе, нынешние юноши и девушки не имеют того, кто перевел бы их с одного берега на другой всех вместе; они сами себе должны давать право на этот переход. Это побуждает их к рискованным поступкам.

Африка и Океания предлагают этнологам широчайший выбор обрядов инициации и взросления. Было бы интересно рассказать, какие решения принимали общества древних, чтобы помочь преодолеть период мутации, который является смертью детства.

Но прежде чем сравнивать позиции общества по отношению к данной проблеме на протяжении истории человечества или объяснять, каким образом, в одиночку или группами, сегодняшние подростки встречаются с реальностью, попытаемся представить, что происходит в душе каждого индивидуума, выявить, что же именно делает из ребенка

подростка.

Основной фактор, который указывает на то, что переломный момент между детством и отрочеством наступил, — это способность отделять воображаемую жизнь от реальной, грезы от реальных отношений.

По прошествии периода, называемого эдиповым, у мальчика, влюбленного в свою мать, пламя ревности к отцу-сопернику, в котором он в лучшем случае видит объект восхищения, гаснет, ребенок входит в возрастной период, который мы называем латентным⁶. Понимая, что он всего-навсего ребенок, он уходит в себя в ожидании будущего. Это вовсе не исключает проявлений скрытой сексуальности, но он отдает себе отчет, что объект его любви может быть только за пределами его семьи; итак, в благополучном случае ребенок конца эдипова периода, то есть восьми-девяти лет, сохраняет огромную идеализированную нежность к матери и к отцу тоже, однако со смешанным чувством и доверия, и страха, что он отступает от тех правил, которые отец велит ему выполнять, это не правила, продиктованные самим отцом, но те, которым следует отец, подавая ребенку пример их исполнения. В отце ребенок видит и гаранта исполнения этих правил, и беспримерное свидетельство обуздывания своих по-

⁶ Латентный период развития (по З. Фрейду) — период, когда психосексуальное развитие протекает по преимуществу скрыто, неявно. Это период от упадка детской сексуальности (на пятом или шестом году жизни) до наступления половой зрелости. — *Примеч. ред.*

рывов.

В любом случае к одиннадцати годам дают о себе знать предвестники сексуальной функции, которые в значительной степени состоят из воображаемых компонентов до тех пор, пока в эту игру не вступит тело, – это соотносится с первыми непроизвольными семяизвержениями у мальчиков и наступлением менструаций у девочек. Но еще до того, как заговорит тело, можно отметить, что мальчик или девочка психологически готовятся к этому периоду, будучи охвачены физической лихорадкой воображаемой любви к каким-нибудь образцам для подражания, которых сейчас фаны называют идолами и которые пришли на смену вчерашним героям. Эта идоломания идет из Соединенных Штатов. Герои и идолы выполняют роли партнеров по играм, где воображаемое подменяет реальность.

Значит, на пороге отрочества начинается вторая воображаемая жизнь?

Первая воображаемая жизнь, которая начинается в три-четыре года, связана с людьми, наиболее близкими ребенку, то есть с отцом, матерью, братьями и сестрами, близким семейным окружением. В остальном его отношения с внешним миром основываются на том, что о нем говорят взрослые, напрямую внешний мир его не интересует, если только не происходит каких-то грандиозных событий вроде вра-

жеского нашествия или войны, которые ребенком воспринимаются прежде всего как источник мучений для родителей. В обществе же относительно стабильном восприятие внешнего мира полностью исчерпывается семейными интересами ребенка и тем, как его семья реагирует на общество, тем, какие лозунги выдвигает отец. Обычно дети согласны с мнением отца и с его политическим выбором. Когда у родителей возникают разногласия, ребенок испытывает огромные трудности, пытаясь мыслить самостоятельно, но он об этом молчит примерно до одиннадцатилетнего возраста. К этому времени назревшие противоречия требуют разрешения: во второй воображаемой жизни объектами детского интереса, который выходит за рамки семейных, то есть объектами, которые должны подготовить ребенка к реальной жизни, все равно продолжают быть родители – в виде точки отсчета... Отец, которого не любят, потому что он развелся с матерью, или мать, у которой всегда плохое настроение, потому что отец постоянно перечит или бросает обвинения ей в спину, или бабушка со стороны отца, которую ребенок не любит, потому что она не любит невестку, – конфликтные отношения, которые вторгаются в воображаемую жизнь ребенка девяти – одиннадцати лет, проявляются только в одиннадцатилетнем возрасте как результат продолжительного воздействия несовпадения реального и воображаемого. Но если все идет хорошо, если в семье нет никакого разлада, ребенок свободен в своем воображаемом мире, – его домашние не

попадают в качестве образцов для подражания в тот город, который он создал в своем воображении. Эти образцы существуют для него во внешнем мире. Он расценивает свою семью как пристанище и ценит ее очень высоко, но при этом он не чувствует, что играет в ней сколько-нибудь значительную роль, и ищет пути самоутверждения в окружающем обществе. Вся его энергия уходит на общение со школьными товарищами, с товарищами по секции или же на какое-нибудь занятие, а также на жизнь воображаемую, пищу для которой могут давать телевидение, чтение или игры, которые он изобретает. Вот что происходит в предпубертатный период, когда воображаемая жизнь ребенка «уходит» из семьи и перемещается во внешний мир. Когда наступает отрочество, именно тогда этот воображаемый внешний мир побуждает ребенка заявить о том, что он покидает свой семейный мир. Ему хочется самому ощутить, если можно так выразиться, то несоответствие между воображаемым и реальностью и самому войти в те социальные группы, о которых он много чего напридумывал, но чье существование подтверждается окружающими. Он тянется к компаниям юношей старше себя, где стремится стать «своим». Таким образом, выйдя из семьи и смешавшись с соответствующей социальной группой, которая в этот момент играет для него роль поддержки вне семьи, он входит в отрочество.

Нельзя совершенно сбрасывать со счетов модели семьи, если никаких переходных моделей нет. Речь идет не о под-

менах, а о смене одних на другие, что позволит подростку обрести настоящую самостоятельность, обрести, пройдя через царапины и игры, через трудности и достижения, ожидавшие его в жизни в период от одиннадцати до четырнадцати лет. Его или ее.

Игра

Франсуаза Дольто: «Когда я была совсем юной, товарищи все время говорили: „Давай держать пари, давай держать пари!“ – „Я не буду“. – „Ты что, не веришь в то, что говоришь?“ – „Нет, я сказала то, что думаю. Но мне не хочется держать пари“. Мои товарищи беспрерывно бились об заклад. Девочки проявляли к игре меньше интереса, чем сейчас.

Нынче девочки идут к игральным автоматам вместе с мальчиками. В какой-то степени к игре их влекут мечтания. Партнер, соперник – это всего лишь машина. Игра перестала быть только мужским делом. Девушки занимаются игрой и делают ставки. Навязчивая идея игры у ребенка, воображение которого питается фразой: „Если бы я был миллионером“, исчезла, уничтоженная практикой игры на деньги».

Мы попытались очертить вхождение в отрочество, первый «переход». Где же конец этого периода? Что представляет собой конец отрочества? Невропатологи фиксируют его на периоде окончательного формирования нервной системы: двадцать лет, возраст, когда завершается организация мозговых тканей. Общие физиологи называют этой

границей окончательное окостенение в точках роста.

Последняя граница – окончательное окостенение ключиц – двадцать пять лет.

Для суда мера наказания определяется совершеннолетием, для воспитателя – концом обязательного школьного обучения – шестнадцатью годами. Но законодательная власть определяет восемнадцать лет как возраст гражданского совершеннолетия. Преждевременные сексуальные отношения, источники информации за пределами семьи, телевидение, улица, путешествия за границу, начало трудовой деятельности, индивидуальные средства передвижения (велосипеды) ставят под вопрос целесообразность этой возрастной границы. Может быть, надо отнести совершеннолетие к шестнадцати годам, пятнадцати, четырнадцати? Воспитатели возражают: юность незрела, безответственна, излишне опекаема. Другие, наоборот, настаивают на социальной значимости продленного обучения. Те мальчики и девочки, которые долго живут дома, поздно женятся, имеют опыт свободной любви. Множество социальных факторов свидетельствует в пользу эмансипации юношества. Но оседлый образ жизни юношей и девушек, которые долго живут в родительском доме, доводит их состояния подростков-переростков, что входит в противоречие с доводами сторонников раннего взросления. Эти две крайние пози-

ции подвергают родителей в растерянность. Какие ориентиры указать им, когда же наступает вероятное (реальное) окончание отрочества? И если нельзя фиксировать границы возрастного периода, каковы хотя бы его ориентиры?

Юный индивид выходит из отрочества, когда тревога за него его собственных родителей не производит на него тормозящего действия. То, что я говорю, не слишком приятно для родителей, но это та правда, которая поможет им ясно увидеть картину: их дети стали взрослыми, раз они способны освободиться от родительского влияния, думая про себя приблизительно следующее: «Родители есть родители, их не меняют, да я и не стремлюсь их поменять. Они не принимают меня таким, какой я есть, тем хуже для них, я от них ухожу». И уходят без всякого чувства вины. В этот момент резкого перелома большинство родителей склонны обвинять своих детей, поскольку те заставляют их страдать: ведь теперь они не смогут присматривать за ними, и тревога родителей растет: «Что с ними будет... ведь у них нет никакого опыта...» – и так далее и тому подобное.

Окончание отрочества может произойти намного раньше шестнадцати лет?

Нет, поскольку этого не позволяет общество. Да, если бы общество позволило подростку работать и зарабатывать себе

на жизнь начиная с четырнадцати лет. На Западе подростки не находят законных решений, чтобы покинуть родителей и нести за себя ответственность, не оказавшись при этом в маргинальном, преступном кругу или не препоручив себя кому-то, кто с удовольствием возьмет на себя заботы о подростке, рискующем в этом случае стать жертвой извращений. Многие современные родители обеспокоены чрезвычайно сильными потребностями подростков в сексуальном и эмоциональном плане. В результате юноши и девушки вынуждены продаваться, продажность принимает все более видимые формы, как и уличная проституция, или носит двойственный характер: вас содержит некто, кто считает, что имеет на это право – на вас и на ваше тело. Эта новая форма зависимости происходит от того, что законы не позволяют молодому человеку самому зарабатывать на жизнь, даже частично, но зато жилье и тарелка супа обеспечены, наконец, можно не быть никому в тягость и одновременно найти работу или оплаченное обучение или попутешествовать за чужой счет. Я думаю, общество только выиграло бы, расширь оно возможности получения стипендий на поездки, стипендий на обучение... предоставив подростку широкий спектр «мелких заработков».

Таким образом, переход к взрослому состоянию осмысливается сегодня более конкретно – рамками экономической независимости?

Рамками экономической независимости, созидательного потенциала и уровнем знаний, которые позволят молодому человеку адаптироваться, включиться в одну из социальных групп. Не получать или не брать деньги у родителей – не решение проблемы, даже если их получают от какого-то другого взрослого. Это еще хуже, потому что возникает ощущение гораздо большей зависимости от этого человека, чем от родителей. Все, что дают вам родители, вы отдадите своим детям. Чувство же защищенности и материальная поддержка, которую подросток может получать от постороннего человека, вызывает куда большее чувство вины. Потому что полученное не возвращается, оно не переходит потомству. Попасть в руки такого защитника или защитницы означает для их протеже навсегда лишиться свободы, даже после смерти своих благодетелей их протеже не обретут свободы. Зависимые отношения развиваются, как говорится, во всю мочь, без всякого сексуального влечения. Речь идет об умных, великодушных людях, оказывающих влияние на юное существо.

Я думаю, общество только выиграло бы, предоставив подростку широкий спектр «мелких заработков».

Я вспоминаю одну чрезвычайно одаренную молоденькую девушку, давшую зарок своей учительнице, которую она ува-

жала и почитала как высшую волю, что не будет заниматься ничем другим, кроме преподавания в младших классах. Она будет только учительницей начальной школы, кем была та самая дама! Родители отказали девушке в возможности жить вместе с ними после того, как ей исполнилось шестнадцать лет, поскольку она не зарабатывала. И вот директриса школы, впрочем совершенно бескорыстно, перехватила эстафету, даже не отдавая себе отчета в том, что она подавляет эту молодую девушку, не давая ей возможности выбрать какое-либо другое будущее, кроме того, которое она для нее определила. Эта девушка в шестнадцать лет могла бы заняться каким-нибудь физическим трудом, но она была умна и хотела получить степень бакалавра; директриса разрешила ей получить диплом, но не хотела, чтобы та училась в высшей школе. «Ты только потеряешь время, если пойдешь туда, оставайся на первой ступени», – говорила она. Эта девушка была действительно плоха, когда я с ней познакомилась. В обществе своей опекуниши она выглядела девочкой, не достигшей половой зрелости. Только с помощью психоаналитика она смогла выйти из этой роли вечной девочки-школьницы, которая мешала ей жить полной жизнью и реализовать то, для чего она была предназначена, – для обучения в высшей школе. Впоследствии она очень преуспела.

Этот пример хорошо показывает, как возникает самое большое доверие к кому-то, кто помогает вам материально, не являясь при этом членом вашей семьи. Семья, родите-

ли вызывают недоверие, и это закон, и это хорошо; в сущности, поддержку надо чувствовать в родительской гордости за вас, потому что вы делаете то, что делать должны; если же они вас не понимают, вы можете перестать их любить. И тогда вы бросаетесь любить кого-то, кто вас понимает, и можно оказаться заблокированным со всех сторон, если этот «понимающий» человек принадлежит к старшему поколению. Молодой человек испытывает потребность в любви своих сверстников, в том, чтобы взрослеть среди них, ему совсем не хочется зависеть от кого-то, кто относится к поколению старших и становится на данный момент образцом для подражания. Если такой «протекторат» длится долго, он может действовать разрушающе на молодого человека. На короткое время кажется, что этот человек помогает юному существу реализовать себя, на самом деле он подавляет его, ибо юноша или девушка думают, что должны быть признательны, потому что именно они были найдены и выбраны, в действительности же все это великодушие свалилось на них только благодаря личному выбору взрослого человека, который с данным подростком носится. Это еще надо осознать обществу, где подросток не может законным способом зарабатывать деньги, для того чтобы сказать «нет» родителям и «да» своему будущему, «„да“ мне самому и тому, что со мной будет». В Соединенных Штатах молодым людям легче самоутвердиться: они могут зарабатывать деньги начиная со школьных лет – то же относится к азартным играм и к

участию в финансировании собственного обучения, – но во Франции это невозможно. А между тем с одиннадцати до тринадцати лет очень важно не быть полностью зависимым от родителей экономически, иначе не обрести возможности развиваться самому.

Молодой человек испытывает потребность в любви своих сверстников, ему совсем не хочется зависеть от кого-то, кто относится к поколению старших и становится на данный момент образцом для подражания.

Подростки, таким образом, превратились в особый класс, из-за того что их отринули как неспособных стать частью общества.

2 глава

Мечта о вечной юности.

Мифы и архетипы⁷

Античная мифология наделила телесной формой мечты о бессмертии и предоставила ответы человеку, вопрошающему, что такое смерть в детстве и испытания в отрочестве; она придумала и изобразила все известные случаи, возможные в этот период болезненной инициации во взрослое состояние. Все мифы зафиксировали в коллективной памяти архетипы, которые, утратив свое символическое значение, превратились, благодаря бесконечным повторам и воображению народа, в стереотипы вроде прекрасного Адониса или похищения Прозерпины.

Вернемся же к первоначальной форме мифа. Он нашел свое совершенное воплощение на пересечении Востока и Запада, в эллинском Средиземноморье, которое ассимилировало все многообразие культур.

Греки, гениальные в своей интуиции, придумали богиню юности Гебу – проекцию мечты людей, которым уготовано старение, которые должны научиться умирать, при том

⁷ Архетип – термин, введенный в психоанализ К. Юнгом: система наследуемых бессознательных первичных образов и психических структур, на основе которой строится личность в ее отношениях с миром. – *Примеч. ред.*

что стремятся к бессмертию.

Прекрасноногая Геба подносит хозяевам Олимпа амброзию в золотой чаше – напиток вечной юности. Она дочь Геры, супруги Зевса, царя богов. Гера хочет сохранить в ней образ юной девушки, какой была она сама.

Греческая мифология диалектична: миф о вечной юности, побеждающей смерть, дополняется другим мифом, его антиномией, об эфемерности юности, юности, за спиной которой всегда таится смерть. И юность эта не бесполо. У каждого пола свой миф смерти.

Для юношей это миф о прекрасном Адонисе, первенце Афродиты; он жертва безвременной смерти в результате несчастного случая на охоте, оборвавшего яркое сияние зари жизни. Он умирает девственным.

Для девушек – миф о Коре, жертве похищения и изнасилования, погубивших ее земное отрочество. Адонис блуждает в невидимом мире. Кора спускается в Аид, царство мертвых.

Человеческое воображение тешит себя представлением о неограниченных возможностях развития, и возможности эти не уменьшаются по мере их воплощения.

Миф о вечной юности, для того чтобы приблизиться к реальности, пусть даже идеализированной, всегда связан с противоположным ему, именно поэтому все герои, с которыми

случаются эпические приключения, – само воплощение эфемерности. Рядом с повествованиями о божествах, наделенных бессмертием, существует множество историй драматических, трагических, о преждевременной гибели юных существ, воплощенных в Адонисе и Коре.

Деметра – это мать Кору, которая становится Персефоной (Прозерпиной у римлян) и женой Аида, бога мертвых. Тут проявляется гениальная интуиция древних греков, которые чувствовали и символически запечатлели тот факт, что отрочество и смерть сопряжены друг с другом, что они связаны между собой. Мальчиков представляет Адонис, первенец Любви, первенец Афродиты, которого она также рано теряет, до того как у нее появится ребенок, воплощающий Любовь, вечный ребенок Эрос. С точки зрения психоаналитика, это интересный факт: Любовь в ее отправной точке – это подросток, который драматическим образом и безвременно исчезает. Адонис, убитый в тот момент, когда он достигает полной гармонии и изящества, заменяется Эросом. Как будто, чтобы уйти от реальности умирания в отрочестве, от юности, прерванной в самом ее расцвете, дается воплощение Любви в ребенке, в малютке Эросе...

Легенда о Ниобее, шесть дочерей и шесть сыновей которой в расцвете лет были убиты Аполлоном и Артемидой, дополняет тему об отроческой смерти еще одним аспектом – ревности взрослых к юности. У Ниобее шесть дочерей

и шесть сыновей, которые все прекрасны, как Адонис и Кора, все они красивы, восхитительны, талантливы и умны. Аполлон и Артемида не могут примириться с этим юношеским совершенством: что же будет, когда дети вырастут? Боги решают сохранить свою абсолютную монополию. Они убивают детей Ниобеи, Аполлон целится в юношей, а богиня охоты выбирает в качестве мишеней девушек.

Могущество взрослых, и мужчины и женщины, не допускает, чтобы юность поднималась до высот совершенства и гениальности. История о Нибее – это история о неосознанном геноциде по отношению к юным. Отроков надо убивать.

Смерть Адониса знаменует эфемерность юности и отроческой красоты. Убийство детей Ниобеи выявляет тот страх, что внушают взрослым дарования и таланты юных. Интересно отметить, что убивают их не родители, но посторонние, которые хотят сохранить монополию на обольстительность и любовь.

Покровительница новобрачных Афродита покровительствует также и проституткам. Эта богиня представляет два лика юной любви, и один из этих ликов невыносим для Артемиды, воплощающей зрелую любовь и материнство.

В определенном смысле можно сказать, что Кору, так же как и Адониса, убивает мать и матрона: ведь Адонис убит

кабаном, посланным богиней охоты.

В возрасте, когда она еще только готовится стать юной девой, Персефона отделяется от матери и становится объектом обладания другого взрослого, Аида, бога царства мертвых.

Есть нечто примечательное в тормозящем эффекте, который оказывает чужой взрослый, заменивший родительскую опеку и взявший на себя заботу о подростке. Аид заменяет Персефоне мать-Землю для того, чтобы девушка прошла через весну жизни. Если доминирующий взрослый не сумеет внушить подростку, что ведет того к свободе, подростка не удастся взять в плен. Вот мудрость мифа, который осуждает похищение подростков, покинувших надежное убежище детства.

Между похищением Персефоны-Прозерпины и воинственностью Дианы-охотницы, гневом Юноны, в которую мечет молнии Юпитер, подстрекательскими безумствами Венеры, разжигающей войну между людьми (Троя – война и между богами, война богов на Олимпе), изобилием Деметры-Цереры, властительницы жатвы и урожая, – между ними нет промежуточного состояния, это перемена качества без перехода. И не является ли спуск Персефоны в Аид метафорой насилия, которому подверглась девица при потере

девственности: кажется, миф подводит к пониманию того, что похищение и насилие – это нечто присущее браку.

Отроческая половая зрелость еще не делает девушку взрослой женщиной, даже если ее изнасиловали. Доступ к женской жизни она получила в результате грубого насилия. Юная девственница вчера, женщина-амфора завтра, отрицающая юношеское изящество.

Жертва или повелительница – Античность превозносит обе эти крайности женского могущества. Отрочество пассивно, с материнством приобретается зрелость, женщина держится в тени. Она управляет жизненными циклами, она использует силы природы. В ходе Элевсинских мистерий Деметра, мать Персефоны, учит юных дев, пришедших из Афин, тайнам плодородия и сексуальным ритуалам.

Выход из отрочества неодинаков у мальчиков и девочек.

Как сегодняшний психоаналитик может трактовать Нарцисса? Не поднимает ли его история проблему гермафродитизма? Отталкивая нимфу Эхо, Нарцисс отказывается стать другим, раскрыть себя в чувственности, в действии, направленном на продолжение рода. Попробуем выйти за пределы этой расхожей интерпретации. Поскольку он видит в зеркале только собственное отражение, этот другой и есть он сам; разве этот миф не поднимает проблему двойственности отрочества в тот момент, когда оно

содержит в себе некую амбивалентность? Миф о Нарциссе представляет это явление в крайней форме, даже несколько патологической, когда индивид отказывается сделать выбор между одним сексуальным устремлением и другим. Между Гермесом и Афродитой. Он хочет быть одновременно и Гермесом и Афродитой. Он не желает меняться, не хочет испытывать потребность обрести свою «половину», свое дополнение.

И он погиб, не желая подвергать себя риску полюбить другого, обреченный ограничиться любовью к своему изображению, вместо того чтобы любить другого. Он погружался в любовь при появлении собственного образа, а не при виде другого создания, которое узнают по голосу, исходящему от телесной оболочки, не похожей на твою собственную.

Но не является ли нарциссизм⁸ одной из опасностей, которые подстерегают нас в отрочестве, и одним из его искушений?

Конечно, да. Любовь – это слишком большой риск погу-

⁸ Нарциссизм – привязанность либидо к собственному Я как к объекту. Может быть первичным, когда Я и Оно (Оно (Id) – по З. Фрейду, комплекс бессознательных побуждений и влечений, действующих по принципу удовольствия) еще не отделены друг от друга, сменяющимся в норме привязанностью части либидо к внешним объектам, и вторичным, когда часть либидо «отказывается» от объектов и вновь обращается к Я. – *Примеч. ред*

бить прошлое без надежды на будущее. И естественно, что растет число отчаявшихся подростков – об этом много говорят – и что они стремятся уйти в наркотические галлюцинации или даже думают о смерти, о самоубийстве; и мне кажется, это оттого, что им не хватает ритуалов переходного периода, когда взрослые возвестят: «Отныне с тобой считаются, ты что-то значишь». Общество не дает подросткам ясных ориентиров, хотя и позволяет им пускаться в опасное плавание, оно лишь утверждает, что их ждут на другом берегу. Если им случается полюбить, они подвергаются опасности, потому что не знают, куда идут, потому что у них нет возможности заработать на жизнь и взять на себя ответственность за последствия этой любви. Человеческому существу присуще продолжать себя в будущем. Однако юноша или девушка, которые любят друг друга, не могут искать продолжения себя в будущем, они могут лишь жить в состоянии любовной лихорадки, которая существует внутри их, а если появляется ребенок – это просто катастрофа: они еще не закончили обучение, у них нет жилья, нет денег, значит, им совсем не нужно, чтобы у них был ребенок. Они прибегают, благодаря технологическому прогрессу, к надежным контрацептивным средствам, и контрацепция предлагает им новые возможности познать друг друга, но познание это обращено внутрь их самих, оно бесплодно. Они довольствуются друг другом, одиночеством вдвоем, они лишают себя возможности создать кого-то вместе, потому что не могут обременять

себя деторождением. Общество не дает поручительства за последствия юной любви, так что молодая пара не обладает даже правом переживать наиболее пылкую любовь именно тогда, когда она более всего к этому предрасположена. Это трагедия. Искушение Нарцисса возможно именно в силу отсутствия ритуалов переходного периода. Нарциссизм – это то же самое, что эгоизм в любви: любят только себя самого, пребывая в иллюзии, что это кто-то другой, потому что нет иного выхода. Так случалось и ранее, наверное, но после изобретения контрацептивных средств юноши и девушки потеряли ощущение опасности, которая в свое время воспитывала в них ответственность, но это было раньше. Сейчас они могут нести ответственность только за свою любовь, но не за ее последствия. Эхо не нравится Нарциссу, он не ищет в ней «другого», поскольку созерцание собственного изображения приготовило ему ловушку, и таким же образом каждый подросток может обратить любовь на себя самого. Похоже ведут себя подростки с девушками, не разбудившими их воображение... Они как Нарцисс, который практикует вторичную любовь. Теоретически он гомосексуалист, ведь мальчики занимаются любовью друг с другом, говоря о девочках, а девочки – говоря о мальчиках. Обмен беглыми ласками, онанизм вдвоем. Как если бы сегодня Нарцисс звал Эхо, а Эхо отвечала бы ему: «Послушай, мне нужна от тебя лишь ласка и никаких последствий».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.